

Растегин Дмитрий Романович,
магистрант, филиал РАНХиГС,
Волгоградский институт управления

Козлова Марина Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент, филиал РАНХиГС,
Волгоградский институт управления

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных проблем правового регулирования оборота криптовалюты в Российской Федерации. Рассматривается правовая природа цифровой валюты как объекта гражданских правоотношений, её место в системе объектов гражданских прав.

Ключевые слова: Криптовалюта, цифровая валюта, объекты гражданских прав, правовое регулирование.

Цифровая трансформация экономики поставила перед отечественным правопорядком задачу, которую классическая цивилистика ещё недавно не могла и представить: встроить в систему объектов гражданских прав явление, не имеющее ни эмитента, ни территории, ни материального носителя. *Tempora mutantur, et leges mutantur in illis* – времена меняются, и законы меняются вместе с ними; однако темп правотворческого реагирования на криптовалютный феномен в России обнаруживает явное отставание от темпа самого оборота, что и порождает совокупность проблем, образующих предмет исследования.

Первый и наиболее фундаментальный узел противоречий – правовая природа криптовалюты. Деньги ли это, имущество, имущественное право или самостоятельная категория? Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА) в части 3 статьи 1 определяет цифровую валюту как совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчётной единицей, и (или) в качестве инвестиций [5]. Дефиниция выстроена «через отрицание», и в ней содержится парадокс: часть 7 статьи 14 того же Закона о ЦФА запрещает принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за товары, работы и услуги на территории Российской Федерации. Законодатель одной рукой признаёт цифровую валюту потенциальным средством платежа, а другой – запрещает её использование именно в этом качестве. Такая двойственность – сердцевина современного регулятивного противоречия.

Обратимся к статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в которой Федеральным законом от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ была закреплена категория «цифровые права» [1]. Статья 141.1 ГК РФ раскрывает её содержание: «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы...». Возникает закономерный вопрос: укладывается ли криптовалюта в эту конструкцию? Ответ неочевиден. Цифровое право по определению

предполагает обязанное лицо – но за децентрализованной криптовалютой не стоит ни эмитент, ни должник, ни гарант. Это отличает её от цифровых финансовых активов в узком смысле Закона о ЦФА, которые представляют собой удостоверяемые цифровыми правами денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества (часть 2 статьи 1 Закона о ЦФА). Следовательно, криптовалюта и ЦФА – категории пересекающиеся, но не тождественные; цифровая валюта в чистом виде в рамки статьи 141.1 ГК РФ укладывается с немалым трудом.

В постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 года по делу № А40-124668/2017 (дело о банкротстве И. И. Царькова) криптовалюта была квалифицирована как «иное имущество» в смысле статьи 128 ГК РФ и включена в конкурсную массу [7]. Но так ли прочна эта опора? Категория «иное имущество» исторически мыслилась как остаточная – всё, что имеет имущественную ценность, но не поддаётся более точной квалификации. Подводить под неё криптовалюту – значит действовать *ex necessitate rei* – по необходимости, а не по существу. Л. А. Новосёлова справедливо указывает, что криптовалюта не укладывается в классическую дихотомию «вещи – права требования» и требует признания самостоятельной правовой природы [8]. Разнообразие подходов закономерно: право ещё не определилось с инструментарием, а оборот уже требует решений».

Не менее острой остаётся проблема коллизионного регулирования. Криптовалюта по природе экстерриториальна, а классические привязки раздела VI ГК РФ – место нахождения имущества (статья 1205), право, избранное сторонами (статья 1210), право страны наиболее тесной связи (статья 1211), – применительно к активу, существующему одновременно во множестве узлов распределённого реестра, обнаруживают свою неполноту [2]. Где находится биткойн? Ответа, пригодного для всех случаев, ни законодательство, ни доктрина пока не дают. Закон о ЦФА регулирует лишь то, что связано с российской информационной системой и российским оператором, оставляя трансграничные операции в международных сетях фактически за рамками отечественного регулирования. Следствие таково: значительная часть оборота криптовалюты с участием российских лиц пребывает в «серой зоне».

Переходя к практическим проблемам, стоит назвать три узловых. Первая – защита прав добросовестного приобретателя. Статья 302 ГК РФ в применении к криптовалюте наталкивается на технический барьер: транзакция в блокчейне практически необратима, и решение суда может оказаться правым по существу, но неосуществимым фактически – разрыв между *ius* и *factum*. Вторая – налогообложение. Статья 38 Налогового кодекса Российской Федерации определяет объект налогообложения через категории, в которых криптовалюта находит себе место с трудом; последующие изменения закрепили обязанность декларирования операций и уплаты налога на доходы, но квалификация майнинга, определение рыночной стоимости на момент операции и учёт издержек остаются предметом споров [3]. Третья – противодействие легализации доходов. Анонимность децентрализованных транзакций создаёт естественную среду для обхода требований Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма»: законодатель распространяет на операторов обмена ЦФА обязанность идентификации клиентов, но вне регулируемого сегмента обязанность подкреплена слабо [4].

Риски, сопровождающие оборот криптоактивов, могут быть сгруппированы в несколько категорий: технические (утрата приватного ключа означает безвозвратную утрату актива), мошеннические (от финансовых пирамид до фишинговых бирж и поддельных токенов), волатильностные (цена способна постоянно изменяться), регулятивные (изменение режима в одной юрисдикции меняет ликвидность во всех), криминогенные (использование в противоправной деятельности). Каждая из категорий требует собственного инструментария

минимизации; ни один из них в отдельности не способен охватить проблему, и именно поэтому комплексность подхода, включая развитие института «регуляторной песочницы» на основании Федерального закона от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», расширение круга лицензируемых операторов и требования к раскрытию информации эмитентами ЦФА, становится необходимостью [6]. Законодатель здесь пребывает между двумя огнями: невозможно игнорировать фактически существующий оборот, но и полное признание криптовалюты платёжным средством подорвало бы монополию государства на эмиссию.

Результаты проведённого анализа таковы. Во-первых, действующая модель регулирования базируется на Законе о ЦФА, который признаёт цифровую валюту особой категорией и одновременно запрещает её использование как средства платежа (часть 7 статьи 14). Во-вторых, категория цифровых прав по статье 141.1 ГК РФ предполагает обязанное лицо, что не соответствует структуре децентрализованной криптовалюты, и последняя полностью через эту конструкцию квалифицирована быть не может. В-третьих, судебная практика (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-124668/2017) квалифицировала криптовалюту как «иное имущество» в смысле статьи 128 ГК РФ, обеспечив её включение в конкурсную массу. В-четвёртых, коллизионные нормы раздела VI ГК РФ демонстрируют ограниченную применимость к трансграничному обороту криптоактивов вследствие их экстерриториальности. В-пятых, доктринальные позиции расходятся в квалификации криптовалюты, что непосредственно влияет на непоследовательность правоприменения. В-шестых, неполнота регулирования находится в причинно-следственной связи со снижением защищённости участников оборота: отсутствие ясных норм о виндикации криптоактивов, о применимом праве в трансграничных операциях и о принудительном исполнении судебных актов в отношении криптокошельков объективно увеличивает их уязвимость.

На основании изложенного представляется возможным сформулировать следующие выводы. Российский правопорядок находится в точке выбора между запретительно-ограничительной и признающе-интегрирующей моделями регулирования; действующая модель, выраженная в Законе о ЦФА, тяготеет к первой с элементами второй, и именно эта половинчатость – главный источник современных проблем. По мнению автора, дальнейшее совершенствование регулирования должно идти по пути признания криптовалюты самостоятельным объектом гражданских прав, отличным от цифровых прав в узком смысле статьи 141.1 ГК РФ, – с собственным режимом оборота, защиты и налогообложения. Оборот криптоактивов уже существует, и задача законодателя состоит не в его отрицании, а в грамотном введении в правовое русло. Целесообразными видятся: уточнение статьи 128 ГК РФ путём прямого упоминания цифровой валюты как самостоятельной разновидности имущества; разработка специальных коллизионных норм для трансграничных операций; создание процессуальных механизмов принудительного исполнения судебных актов в отношении цифровых кошельков через институт управляющих криптовалютами активами, аналогичный арбитражным управляющим; дифференцированный подход к различным видам криптоактивов в зависимости от их функционального назначения и степени децентрализации. Только такой последовательный путь способен преобразовать современную правовую неопределённость в сбалансированную систему регулирования, учитывающую как интересы участников оборота, так и публично-правовые задачи государства.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Первая часть Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301;

2. Российская Федерация. Законы. Часть третья Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552;

3. Российская Федерация. Законы. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824;

4. Российская Федерация. Законы. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма : федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115- / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418;

5. Российская Федерация. Законы. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018;

6. Российская Федерация. Законы. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5017;

7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 года по делу № А40-124668/2017. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1444056> (дата обращения: 20.04.2026).

8. Новосёлова Л. А. «Токенизация» объектов гражданского права / Л. А. Новосёлова. – Текст: непосредственный // Хозяйство и право. – 2017. – № 12. – С. 29–44.

